

Л. М. Ульмезова

О ТЕРМИНЕ «СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Под наклонением обычно понимают грамматическую категорию, выражающую отношение действия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего [1, с. 321].

В индоевропейском языкознании сослагательное наклонение трактуется как категориальная форма косвенного наклонения, обычно с развитой системой оттенков модального значения, объединяемых общим признаком отсутствия прямого соответствия содержания высказываемого действительности [2, с. 249]. В настоящее время делаются первые шаги по внедрению понятия «сослагательное наклонение» в тюркское языкознание, хотя первым, кто недвусмысленно заговорил об этом наклонении на материале древнеуйгурского языка, стал Д. М. Насилов. В трудах по тюркским языкам, о каком бы из них ни шла речь, формы сослагательного наклонения не представлены. Важность и актуальность вопроса определяется тем, что аналогичные формы имеются во всех тюркских языках и процесс преодоления их ошибочного истолкования, как будет показано, необходимо продолжать путем детального исследования материала конкретных языков.

В карачаево-балкарском языке существуют сложные глагольные финитные формы $-(A/BI)r$ эди (отрицательная форма $-mAз$ эди), $-lBIk(\text{ь})$ эди / $-(A/BI)rBIk(\text{ь})$ эди, которые указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось [3, с. 14–15; 4, с. 34–35]. Иначе говоря, эти формы имеют значение сослагательной модальности, характеризующейся несоответствием содержания высказывания действительности [3, с. 14–15; 5, с. 473–474; 6, с. 39, 191; 7, с. 119]. Следует отметить, что в тюркских (а также во многих индоевропейских) языках, значение сослагательности в диахроническом аспекте является продуктом взаимодействия двух временных значений — будущего и прошедшего, носителями которых выступают морфемы — компоненты составных показателей этих форм [8, с. 96].

В карачаево-балкарском языке морфемы $-(A/BI)r$ (отрицательная форма $-mAз$) и $-lBIk(\text{ь})$ / $-(A/BI)rBIk(\text{ь})$ выражают будущее время, за ними следует морфема прошедшего времени эди. Эти морфемы представляют собой омонимы неопределенного имперфекта II и будущего в прошлом.

Форма неопределенного имперфекта II с морфемой $-(A/BI)r$ (в отрицательном статусе $-mAз$) эди характеризует действие, совпадающее с прошлым периодом ориентации как не связанное с какой-либо конкретной ситуацией в прошлом:

Сабийле аны ызындан жилип бар+ыр эди+ле (информант). — «Дети, плача, шли за ней».

Не бек туйюп кюрешседа, ат таргъа кирирге уна+маз эди (информант). — «Как бы он ни стегал коня, он упрямился и не входил в ущелье».

Форма будущего в прошлом с морфемой -лЫк(ъ) эди / -(А/Ы)рЫк(ъ) эди в составе индикатива имеет значение, сигнализирующее о следовании действия за прошлым периодом ориентации:

Алай эди да, эринмеген, къарыучугъу болгъан адам анда да жашаял+лыкъ эди [9, с. 34]. — «И было вот, что кто не ленился и имел достаточно сил, **мог бы прожить** и там».

Баям, бир белгили зат айт+ырыкъ болур эди [10, с. 10]. — «Наверное, он **собирался сказать** что-то важное».

Возникновение значения сослагательности в результате переосмысления будущего в прошедшем — явление широко распространенное за пределами тюркских языков [8, с. 96]. Поскольку материальные средства выражения различных грамматических категорий относительно ограничены, для передачи новых значений используются уже имеющиеся в языке формы, значение которых при этом переосмысливается [11, с. 102; 12, с. 204].

Примеры использования формы -лЫк(ъ) эди / -(А/Ы)рЫк(ъ) эди:

Мен алай ауруп инжилмесем эди, жер юлюшчюгюмю ишлеп жашаргъа да бол+лукъ эди+м [9, с. 33]. — «Если бы я так не мучился от болезни, то я **смог бы** прожить и тем, что обрабатываю (свой) участок земли».

Алай эди да, эринмеген, къарыучугъу болгъан адам анда да жашаял+лыкъ эди [9, с. 34]. — «И было вот, что кто не ленился и имел достаточно сил, **мог бы прожить** и там».

Ала боллуимасала, чачылып, седиреп, тёрелерибиз кетип, халкълай къалмазгъа бол+лукъ эди+к [9, с. 69]. — «Если бы они не помогли (нам), мы **могли бы** утратить свои обычаи, рассеяться и исчезнуть как народ».

Примеры использования формы -(А/Ы)р эди (отрицательная форма -мАз эди):

Басхан суудан бир уртлам этип / Ёлсем, Къызгенде асыралгъан / Атамча, мен тынч жат+ар эди+м / Кёлюм къалгъанлыкъгъа къыралгъа [13, с. 378]. — «Если бы я умер, сделал глоток из реки Басхан, / То **упокоился бы** с миром, / Как мой отец, похороненный в Кызгене, / Хотя и есть обида на страну».

Черекге айтдым: / — Сюйгеним / Болмаса эди, сен былай / Таза бол+маз эди+нг! / — Тюздю, тюздю! — деди черек [14, с. 19]. — «Сказал я реке: / — Если бы не моя любимая, / Ты **не была бы** такой чистой. / — Да, это правда! — ответила река».

Морфема эди способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу:

Халкъ насыбы къайдагъысын билсем эд, / Бутларымы мен ат этип, жет+ер+е+м (<жет+ер эди+м). / Арабызда къан ырхыла барсада, / Жюрегими къайыкъ этип, ёт+ер+е+м (<ёт+ер эди+м) [15, с. 205]. — «Если бы я знал, где счастье народа, / **Я бы прибежал** туда, / Если бы даже между нами текли реки крови, / **Я бы переплыл**, соорудив лодку из своего сердца».

В современном турецком языке существуют сложные глагольные финитные формы -(А/І)rdІ (отрицательная форма -mAzdІ) и -(y)AcAktІ, которые указывают на то, что действие должно было, могло или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось [3, с. 14–15; 4, с. 34–35]. Эти формы представляют собой омонимы неопределенного имперфекта и будущего в прошлом.

Форма неопределенного имперфекта с морфемой *-(A/I)rdI* / *-mAzdI* (< *-(A/I)r idi*, *-mAz idi*) сигнализирует о том, что действие совершалось в прошлом неоднократно или в течение длительного периода времени, например:

Acıkan köy çocukları da, kara kayanın dibine gid+er, güneşe yalvar+ırdı [16, s.101]. — «А проголодавшиеся деревенские дети **шли к** подножью черной скалы, **обращались с мольбой к** солнцу».

Hasan Ağa on paraya bile kıy+mazdı [17, s.38]. — «Хасану Аге **было жалко** потратить даже десять парá».

Форма будущего в прошлом с морфемой *-(y)AcAktI* (< *-(y)AcAk idi*) сигнализирует о том, что действие мыслится как следующее за каким-то периодом в прошлом:

Derviş, kırkbirinci gün dışarı çık+acaktı [16, s.106]. — «На сорок первый день дервишу **предстояло выйти** наружу».

Морфемы *-(A/I)rdI* (отрицательная форма *-mAzdI*) и *-(y)AcAktI* выражают будущее время, за ними следует морфема *(i)di*. Эта морфема способна, сливаясь с временными основами, формировать единую словоформу.

Сочетание значений будущего и прошедшего времени сформировало семантическую основу для сослагательного наклонения.

Примеры использования формы *-(A/I)rdI* и *-(y)AcAktI*:

Öte yandan, hükümetin de gözünden kaçmıyordu Kudret beğ'in dini siyasete âlet eden konuşmaları... Öküz altında buzağı ariyan iktidar hükümeti isterse binbir delil bulabil+irdi konuşmalarında, tutukla+r, at+ardı içeri ama, bu da «politik siyaset»e uymadığından, herifi tutuklamıyorlardı. Çünkü halk gemi aزی almıştı zaten. Herifi tutuklayıp içeri atarlarsa, muhalefetin ekmeğine yağ sürmüş ol+acak+lar, herif kahramanlaş+acaktı [18, s.241]. — «С другой стороны, речи Кудрет-бея о религии как об орудии политики тоже не укрывались от внимания властей... Если правительство, которое ищет теленка под быком (т.е. пытается доказать виновность человека при помощи нелепых доводов. — Л. У.), захотело бы, то **смогло бы** найти в его речах тысячу улик, **арестовало бы** его, **бросило бы** в тюрьму, однако и оно никого не арестовывало (только) из-за „политической неблагонадежности“. Поскольку ведь и народ тоже закусил удила. Если бы они (власти) арестовали человека и бросили бы в тюрьму, то тем самым они пролили бы воду на мельницу оппозиции (букв: „намазали бы масло на хлеб оппозиции“), и человек этот **сделался бы героем**».

Примеры использования отрицательной формы *-mAzdI*:

Cebinde parası olsaydı, ısırınca çitirdayan iki tane susamlı simit olsaydı, bir de tavşan kanı demli çay, peynir bile iste+mezdi ama, nöbetçi [18, s.45]! — «Если бы в кармане у дежурного были бы деньги, если бы он купил пару бубликов с кунжутом, хрустящих, когда их надкусывают, а еще и хорошенько заваренного чаю (букв: „цвета заячьей крови“), то тогда он **не стал бы** и сыра **просить**».

Сослагательно-волеизъявительное наклонение в карачаево-балкарском языке

Глагольное имя с морфемой *-гъы* в карачаево-балкарском языке упоминается грамматистами [19, с. 53–69]. В качестве словоизменительного средства оно функционирует, например, в казахском языке: *Менің сенімен дос бол+гъы+м келеді* — «Я хочу подружиться с тобой»; *Менің іш+кі+м келмейді* — «Я не хочу пить».

В древнеуйгурском языке эта форма в качестве глагольного имени имеет значения будущего времени, возможности и долженствования [20, с. 67–70; 21, S. 117]. Это обстоятельство позволяет думать, что карачаево-балкарская форма со сложной морфемой *-гъы* *эди* представляет собой одну из разновидностей сослагательного наклонения, сформировавшуюся на типичной для сослагательного наклонения семантической основе, — сочетание значений будущего и прошедшего времен.

Сослагательно-волеизъявительное наклонение *-гъы* *эди* + личный аффикс 2-й группы имеют значение, сигнализирующее о том, что говорящий сообщает о событии, которое так или иначе не имело или не имеет места (сослагательная модальность) и которое представляется ему нежелательным (волеизъявление):

Абат, ол төрт алма терекни буз иш урма+гъы эди, алагда бир хата болма+гъы эди [9, с. 189]. — «Абат, как бы те четыре яблони не побил град, как бы они не пострадали».

Жауун жауп иш къалма+гъы эди (информант). — «Как бы не пошел дождь».

Итак, можно сделать вывод, что в составе категории сказуемости карачаево-балкарского языка, которая понимается как совокупность всех глагольных финитных форм, в качестве частной категории выделяется сослагательное наклонение, которое имеет свое собственное категориальное значение.

Необходимо подчеркнуть важность упорочения в тюркском языкознании понимания того, что тюркские языки, как и многие другие языки мира, обладают сослагательным наклонением, как правило, отсутствующим в тюркских грамматиках. Тем более что типологически это наклонение в карачаево-балкарском языке устроено так же, как и во многих славянских, германских, романских и других языках (путем сопряжения значений будущего и прошедшего).

Источники и литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS: КомКнига, 2007. 569 с.
3. Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма): автореф. дис. ... канд. наук. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Гузев В. Г., Дениз-Йылмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 133 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М.: Наука, 1971. 232 с.
7. Телицин Н. Н. К вопросу о сослагательном наклонении в древнетюркских языках // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 1998. Вып. 1.

8. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.
9. Минги Тау. Нальчик: Эльбрус, 2004. № 2.
10. Минги Тау. Нальчик: Эльбрус, 2004. № 1.
11. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 127 с.
12. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.
13. Мурадин Ёлмез. Акъ Жугъутур. Нальчик: Эльбрус, 1999. 456 с.
14. Кули Къайсын. Таула Тургъан Къадарда. Нальчик: Эльбрус, 1997. 464 с.
15. Мёчюланы Кязим. Кязим. Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 с.
16. Aziz Nesin. Anıtı Dikilen Sinek. 4. basım. İstanbul: Adam Yayınları, 2005. 128 s.
17. Aziz Nesin. Borçlu Olduklarımız. İstanbul: Adam Yayınları, 2005. 89 s.
18. Orhan Kemal. Üç Kağıtçı. 6. baskı. İstanbul: Tekin Yayınevi, 1981. 268 s.
19. Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1971. 302 с.
20. Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке (на материале древнеуйгурских памятников из Синьцзяна): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1990. 22 с.
21. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. 2 verbesserte Auflage. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. 374 S.

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2011 г.